

XIV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

А. М. Сахаров, С. С. Хромов

22—29 августа 1975 г. в г. Сан-Франциско (США) состоялся очередной, XIV, Международный конгресс исторических наук. Проводимые каждые пять лет такого рода форумы (предыдущий состоялся в Москве летом 1970 г.) чутко реагируют на политический климат современности; отмечают новые явления в исторической науке и ее развитии как в области методологии познания прошлого, так и в решении ряда конкретных проблем; превращаются в арену обмена и столкновения мнений, научных и политических концепций, мировоззрений и теорий.

XIV конгресс историков проходил в знаменательное время — после подписания в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот крупный успех сил мира был достигнут в первую очередь благодаря целеустремленным и последовательным усилиям Советского Союза и других стран социалистического содружества, активной внешнеполитической деятельности Центрального Комитета КПСС и лично Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева по осуществлению выдвинутой XXIV съездом партии Программы мира. Разрядка международной напряженности все более приобретает необратимый характер; но вместе с тем пытаются активизировать свои действия силы реакции, стремящиеся затормозить этот процесс. Как успех разрядки, так и назойливые попытки ее противников воспрепятствовать ей нашли отражение в работе Международного конгресса исторических наук. В Сан-Франциско отчетливо проявилось растущее стремление значительной части историков капиталистических и развивающихся стран к творческому научному диалогу с учеными-марксистами, интерес к марксистскому пониманию истории, к достижениям исторической науки в социалистических странах. Историки ныне все более глубоко осознают свою ответственность за настоящее и будущее человечества, за выбор путей развития общества.

В работе конгресса в Сан-Франциско приняли участие около 1400 делегатов почти из 70 стран¹. Половину участников составили историки США. Представительные делегации прибыли из ФРГ, Англии, Франции, Италии, Канады, Бельгии. Из стран Азии более всего приехало японских историков (около 50 человек). Некоторое количество делегатов прибыло из стран Тропической Африки и Латинской Америки. Самой крупной иностранной делегацией на конгрессе была советская делегация (82 человека). Руководителем ее являлся академик Б. А. Рыбаков. В ее состав входили академики Е. М. Жуков, А. Л. Нарочницкий, И. И. Минц, члены-корреспонденты АН СССР П. А. Жилин, М. П. Ким, И. Д. Ковальченко, С. Л. Тихвинский, ученые из Академии наук СССР,

¹ В XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве (1970 г.) участвовало 3587 делегатов, в том числе 1361 — из капиталистических и развивающихся стран.

университетов страны, Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) и Академии общественных наук при ЦК КПСС, Института военной истории Министерства обороны СССР, Высшей школы профдвижения, академий наук союзных республик. Около 100 делегатов прибыло на конгресс из социалистических стран — Болгарии, Венгрии, ГДР, МНР, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии.

Рабочими языками XIV конгресса являлись английский, французский, русский, немецкий, итальянский, испанский, однако синхронный перевод (как это было в Москве) в Сан-Франциско не был обеспечен. Это создало немалые трудности в работе конгресса.

Конгресс открыл его президент Б. Шэффер. С приветствием к участникам конгресса обратились президент Американской исторической ассоциации Г. Райт и президент Международного комитета исторических наук (МКИН) Е. М. Жуков. На пленарном заседании был заслушан доклад американского историка Р. Биллингтона «Ковбой, индейцы и земля обетованная: представление об американских границах», носивший скорее развлекательный, чем научный характер.

Подготовка конгресса осуществлялась, как известно, в течение нескольких лет Международным комитетом исторических наук, возглавлявшимся представителями Советского Союза — акад. А. А. Губером, а после его кончины — акад. Е. М. Жуковым (по традиции, соблюдавшейся до сих пор, во главе МКИН находился представитель страны, проводившей предыдущий конгресс²). Была разработана программа конгресса, организованного по четырем секциям: «Большие исследовательские темы», «Проблемы методологии», «История по хронологическим периодам» и «Международные аффилированные организации и внутренние комиссии»³. Все секции работали одновременно, причем третья и четвертая секции проводили множество параллельных заседаний. В третьей секции это были заседания по истории античности, средних веков, новой истории и новейшей (современной) истории, последняя подсекция, в свою очередь, работала в двух подгруппах, что свидетельствовало о значительном возрастании интереса историков к проблемам, близким к современности. В четвертую секцию вошли заседания комиссии по морской истории, ассоциации по византийским исследованиям, комиссии по изучению славян, комиссии по сравнительной военной истории, комиссии по исторической демографии, комиссии по истории городов, комиссии по сравнительной истории церкви, Международного комитета истории второй мировой войны, комиссии по дипломатике, ассоциации по экономической истории, комиссии по изучению Французской революции, истории прессы, Федерации обществ и институтов по изучению Ренессанса, комиссии по истории представительных учреждений, комиссии по истории университетов, комиссии по нумизматике, комиссии по библиографии, ассоциации по истории права и институтов, ассоциации по исследованию Юго-Восточной Европы, а также Панамериканского института по географии и истории. Всего вниманию участников конгресса было предложено около 100 докладов и сообщений.

Советская делегация представила 7 докладов и 3 содоклада в первых трех секциях и 7 докладов в комиссиях четвертой секции. 6 советских делегатов выступали официальными экспертами в первых двух секциях⁴, 6 — были председателями и вице-председателями заседаний секций и комиссий. Советские делегаты около 100 раз поднимались на трибуны различных заседаний.

² См. А. О. Чубарьян. Советские историки и XIV Международный конгресс исторических наук. «Вопросы истории», 1975, № 6.

³ См. С. Л. Тихвинский. В Бюро и на Генеральной Ассамблее МКИН. «Вопросы истории», 1973, № 1.

⁴ В первых двух секциях по докладом заранее назначались эксперты, представляющие различные научные направления и страны (5—7 экспертов). Полемика

Советским ученым был поручен главный доклад конгресса — «История и общество», который был поставлен первым в первой секции «Большие исследовательские темы». Авторами доклада явились действительный член Академии педагогических наук (АПН) СССР А. И. Данилов, В. В. Иванов (Казанский университет), М. П. Ким, Ю. С. Кукушкин, А. М. Сахаров, Н. В. Сивачев (все трое — МГУ). Выбор этой темы был не случаен: вопрос о месте исторической науки и вообще истории в современном обществе принадлежит к числу наиболее острых. В ходе заседаний конгресса не раз приходилось слышать, что интерес общественности и особенно молодежи к изучению истории катастрофически падает, что американские школьники ставят историю на самое последнее место среди изучаемых дисциплин по степени своей заинтересованности в ней, что в ФРГ идут бесконечные эксперименты над школьным преподаванием истории с целью его «современивания» и привлечения большего интереса к ней, что в Италии и других странах все больше распространяется мнение, что история, собственно говоря, не является наукой. Все это говорило о наличии явного кризиса взаимоотношений между исторической наукой и современным буржуазным обществом.

Советские историки, работая над докладом, исходили из того, что познание истории органически связано с общественной практикой. В докладе было показано, как начиная с отдаленных времен познание прошлого служило решению актуальных задач современности и как современность оказывала влияние на проблематику и методологию исторических исследований. Процесс познания истории человечества был всегда связан с деятельностью общественных классов, с классовой борьбой. Историческое познание являлось орудием борьбы прогрессивных и реакционных сил, и именно поднимающиеся классы вносили новую проблематику и методологию в историческую науку, расширяли сферу ее интересов, связывали ее с общественной практикой. Напротив, познание истории с позиций уходящих, реакционных классов вело к извращению процессов, разрыву истории с общественной практикой, к утрате историей ее социальной функции, что приводило к невозможности использовать данные исторической науки для реалистической оценки современности. В докладе был показан кризис русской буржуазной исторической мысли в начале XX в., оказавшейся бессильной правильно определить тенденцию общественного развития. В этом свете отчетливее становится значение марксистско-ленинского понимания истории, которое не только дало возможность «предвидеть» победу социалистической революции, но самым активным образом способствовало идеологическому обоснованию стратегии и тактики партии пролетариата.

Советский доклад содержал материалы об успехах исторической науки, основанной на марксистско-ленинском учении; освещал основные вопросы материалистического понимания истории; анализировал современные методологические течения и направления в буржуазной историографии. В нем подчеркивалась мысль о том, что решающим условием успешного служения исторической науки обществу является выбор методологии исследования, а это прямо связано с социальными условиями, в которых развивается наука. Советские историки отмечали в своем докладе большое общественное значение исторической науки в современном обществе, указывали на необходимость сохранения ее предмета и недопустимость «растворения» истории в других науках, говорили о путях совершенствования методологии исторического исследования. Вместе с тем подчеркивалась важность обеспечения тесной связи исто-

между экспертами и докладчиками (доклады не зачитывались, а распространялись заранее) предшествовала свободной дискуссии по теме.

риков с представителями других гуманитарных наук, организации комплексных исследований актуальных проблем развития общества. Доклад указывал на большую ответственность историков перед обществом за воспитание новых поколений, за утверждение принципов мирного сосуществования, за торжество прогрессивных социальных идей.

Доклад советских историков привлек большое внимание участников конгресса — несколько сот человек в отеле «Фермонт» заполнили зал, где проходило первое заседание первой секции. Уже перед началом его проявили себя силы, стремившиеся нарушить нормальный ход конгресса, — в зале появились провокационные листовки относительно «положения историков в Чехословакии». Эксперт из ФРГ Х. Винклер использовал обсуждение советского доклада для нападок на марксизм-ленинизм и клеветнических рассуждений относительно положения исторической науки в социалистических странах. Он заявил о своей поддержке действий чехословацких буржуазно-националистических эмигрантов в США и ФРГ, повторил фальсификаторские суждения о характере действий социалистических стран в 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии. Это вызвало возмущение многих участников конгресса. Председательствовавший на заседании западногерманский историк Т. Ниппердэй (ФРГ) сделал эксперту замечание о недопустимости подмены обсуждения научных вопросов политическими дискуссиями. Взявший вслед за этим слово М. П. Ким решительно осудил выступление западногерманского эксперта.

Эксперты Л. Элекеш (Венгрия) и Э. Станеску (Румыния) поддержали ряд положений советского доклада и отметили важность выдвинутых в нем положений. Эксперты Кл. Виллард (Франция) и Ф. Гаэта (Италия), отметив рост влияния марксизма в исторической науке, подвергли анализу некоторые ее методологические аспекты. Ю. С. Кукушкин подчеркнул значение исторической науки для укрепления мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем и реализации положений Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Последний из экспертов, Ф. Стерн (США), попытался обрушиться на основные положения советского доклада, назвав его «догматическим». Он повторил открыто враждебные вымыслы относительно положения исторической науки в социалистических странах и в принципе выступил против марксистского понимания истории, хотя признал некоторые заслуги марксизма в объяснении причин возникновения капиталистического строя. Что касается современности, то, по Стерну, марксизм уже «устарел» для ее объяснения, более того, марксистская историческая наука, по его мнению, тоже вступила в полосу «кризиса». Стерн заявил, что марксисты неверно интерпретировали фашизм, который, как он уверял, был национальным и даже антикапиталистическим движением. В этом же духе выступал и Х. Винклер, старавшийся снять с монополий ответственность за утверждение фашистской диктатуры и развязывание второй мировой войны, объявляя ее виновником одного Гитлера. Откровенная защита и обеление монополистического капитализма нашли отражение в выступлениях ряда буржуазных историков и на других заседаниях конгресса. Они показали еще раз, чьим классовым интересам служат концепции критиков марксистского понимания истории, учения о классовой борьбе. Выступления Винклера и Стерна нашли поддержку лишь у Рафто (Норвегия), который в истерическом тоне выкрикивал в микрофон злобные выпады против Чехословакии и других стран социалистического содружества, за что был предупрежден председательствующим⁵. Н. В. Сивачев дал отповедь Стерну и Рафто. Он под-

⁵ На XIII Международном конгрессе исторических наук Рафто выдвигал бездоказательный тезис о том, что в расколе рабочего движения в межвоенный период были повинны коммунисты.

робно остановился на интерпретации фашизма, показав его неразрывную связь с монополистическим капиталом.

В ходе дальнейшей дискуссии некоторые западногерманские и американские историки продолжали оспаривать ряд положений советского доклада, но делали это уже без открытых политических выпадов и провокационных заявлений. Так, В. Моммзен (ФРГ), отвергая марксистское учение о социально-экономических формациях, призывал историков-марксистов к переходу на модные ныне среди западных историков плюралистские позиции в вопросах методологии. Марксизм он пытался представить лишь как «одну из гипотез» понимания истории. Призывы к конвергенции в области идеологии прозвучали и в ряде других выступлений западных участников конгресса. Это явление весьма характерно: теперь даже открытые противники марксизма не решаются отвергать его в целом, стремясь как бы «растворить» его в других методологических направлениях, «приспособить» к интересам буржуазной идеологии. Явление это принципиально не новое, оно хорошо известно еще с конца прошлого столетия. Это все то же «международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» «истинно научных» сторон и элементов марксизма, *кроме* «агитаторской», «демагогической», «бланкистски-утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность»⁶.

Советские делегаты решительно отвергли позиции критиков доклада, показав их несостоятельность. И. И. Минц подробно остановился на роли народных масс в истории — вопросе, который так или иначе остается вне поля зрения буржуазной историографии. Б. А. Рыбаков показал, что только учение о социально-экономических формациях открывает путь к научному объяснению всего громадного многообразия путей и форм перехода от доклассового общества к классовому. А. Л. Нарочницкий указал на извращение Стерном марксистского учения о соотношении производительных сил и производственных отношений, базисных и надстроечных явлений, на фальсификацию им сущности социалистического строя.

Советский доклад получил обоснованную поддержку со стороны представителей других социалистических стран (И. Штрайзанд — ГДР, Е. Топольский — Польша, Д. Немеш и И. Беренд — Венгрия, В. Хаджиниколов — Болгария, Я. Цезар — Чехословакия), развивавших отдельные тезисы доклада и характеризовавших действительное положение исторической науки в этих странах. Я. Цезар от имени своей делегации огласил официальный протест против допущения на конгрессе деятельности враждебных социалистической Чехословакии элементов. Хорошо аргументированная позиция историков-марксистов произвела большое впечатление на участников конгресса. Взявшие слово вторично Рафто, Винклер и Стерн вынуждены были, по сути дела, оправдываться, причем тон их выступлений на этот раз заметным образом изменился.

В конце дискуссии по советскому докладу выступили А. М. Сахаров и Н. В. Сивачев. А. М. Сахаров подверг критике тезис о марксизме как «гипотезе», показав несостоятельность этого тезиса в условиях XX в. — века социалистических революций и национально-освободительных движений. Он подчеркнул, что дискуссия убедительно подтвердила акту-

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 227.

альность выдвинутого в докладе положения о необходимости борьбы против субъективизма в исторической науке, поскольку ряд выступлений на конгрессе продемонстрировал именно крайний субъективизм и ненаучность в оценках важнейших явлений. А. М. Сахаров подчеркнул важность того, в каких социальных условиях работает историк. Отвечая на заявления о том, что историки из социалистических стран якобы «несвободны» (об этом говорил, в частности, Винклер), А. М. Сахаров вынужден был разъяснять западным оппонентам историческое содержание понятия «свобода». Неоспоримые преимущества социализма, сказал он, определяют силу и преобразующую роль научной мысли, развиваемой в социалистических странах. Н. В. Сивачев подчеркнул, что, несмотря на заявления западных историков против партийности науки, сами они выступают с определенных партийных позиций. Разница состоит лишь в том, что марксисты не скрывают своей партийности, основанной на научном мировоззрении, а буржуазные ученые пытаются замаскировать свою партийность разговорами о «внепартийной», «чистой» науке. Приводя примеры из работ современных американских историков, Н. В. Сивачев развенчал тезисы Стерна относительно «неверности» оценки положения в США историками-марксистами. Заключительные выступления советских докладчиков были встречены с одобрением участниками заседания.

Советская делегация, проявив твердость и выдержку, при поддержке других участников дискуссии, прежде всего делегатов ряда социалистических стран, дала отпор попыткам увести конгресс в сторону от обсуждения научных вопросов. Вместе с тем историки СССР в своих выступлениях заявили, что если представители ФРГ, США и некоторых других стран попытаются вновь использовать конгресс в политических целях, далеких от науки, то советская делегация вынуждена будет поднять вопрос о том, почему, например, в ФРГ и некоторых других буржуазных государствах учителя средних школ, преподаватели университетов, входящие в коммунистическую партию и другие прогрессивные организации, отстраняются от преподавательской деятельности, о роли ЦРУ в чехословацких событиях 1968 г., материалы о которой опубликованы в американской печати. Делегат США Ж. Косто в связи с выступлениями некоторых буржуазных историков о положении их коллег в отдельных социалистических странах выдвинула вполне закономерный вопрос, почему эти ораторы ничего не говорят о многих американских историках, вообще не имеющих работы, о тяжелом положении индейцев и представителей других национальных меньшинств в США.

Такой исход первого заседания первой секции конгресса оказал большое влияние на всю дальнейшую его работу, хотя единичные выступления провокационного характера со стороны некоторых западных его участников еще и имели место.

Второй доклад в первой секции был посвящен теме «Права человека» и был представлен французским ученым Р. Мунье. Это была, по сути дела, сводка понятий о правах человека, существовавших в разных обществах — от античности до современности. Западные авторы связали вопрос о правах человека с вопросом о степени развития частной собственности как главного права человека, гарантирующего остальные его права. Американский эксперт Д. Тэйлор отметил усиление вмешательства государственной власти в жизнь американских граждан и практическое сужение их прав. К. Оффен (США) говорила о необходимости изучать положение женщин, которое в ее стране фактически является неравноправным. Венгерский эмигрант Г. Бараньи попытался проявить «заботу» о некоторых чехословацких историках, причастных к «тихой» контрреволюции 1968 года. Американский эксперт Д. Тэйлор пытался поставить на одну доску капиталистическое и социалистическое общества, заявив, что как в том, так и в другом есть недостатки в обеспече-

нии прав человека. Но советские делегаты дали убедительный анализ прав человека при социализме и капитализме, показав их коренное отличие в этом плане. Об историческом и классово-политическом развитии прав человека обстоятельно говорили В. М. Курицын (Институт государства и права АН СССР), В. И. Рутенбург (Ленинградское отделение Института истории АН СССР), В. А. Куманев (Секция общественных наук Президиума АН СССР), Г. С. Кучеренко (Институт всеобщей истории АН СССР), Г. М. Бонгард-Левин (Институт востоковедения АН СССР), Г. А. Меликишвили (Институт истории, археологии и этнографии АН ГрузССР), В. А. Штейнберг (Институт истории АН ЛатвССР), делегаты ГДР Г. Розенфельд и В. Марков, Болгарии — Т. Николов и другие. С. Л. Тихвинский, председательствовавший на заседании, выступил с хорошо аргументированным заключением, в котором подвел итоги обсуждения проблемы. В целом дискуссия о правах человека прошла в деловой обстановке и охватила обширный материал всемирной истории.

Третий день работы первой секции был посвящен теме «Революции», по которой были представлены доклады Б. Бейлина (США) «Историография американской революции», Л. Бьянко (Франция) «Проблемы китайской революции», Э. Хобсбаума (Англия) «Общие проблемы революции». Последний, высказавшись за изучение революции в тесной связи с исторической обстановкой и отвергнув тезис о случайном их характере, тем не менее не поднялся до рассмотрения революций в свете смены общественно-экономических формаций. Бьянко отметил элементы национализма и крестьянской ограниченности в китайской революции, но не дал ее глубокого социально-экономического анализа. Американские организаторы конгресса были намерены придать рассматриваемой проблеме центральное место на конгрессе в связи с приближающимся 200-летием войны за независимость США. Однако тема эта не привлекла значительного внимания, тем более что в оценке американской революции XVIII в. наблюдаются заметные разногласия среди западных историков и существует даже известный скептицизм в отношении ее значения. Бейлин понимает эту революцию как конфликт идеологов, образовавший некую равнодействующую силу в виде республики, которая явилась своего рода компромиссом. Хотя в докладах и ряде выступлений содержались интересные наблюдения, в них легко обнаруживался отрыв изучения революционных переворотов от анализа глубинных социально-экономических процессов, внеклассовый подход западных историков к проблеме революции, отсутствие понимания ими принципиального отличия социалистических революций от буржуазных.

На заседании вновь был поднят «чехословацкий вопрос» в выступлениях тех же Г. Бараньи, бывшего официальным экспертом, и Рафто, который высказался в троцкистско-маоистском духе, восхваляя нынешних пекинских лидеров, болтая о «перерождении» советской революции и т. д. Выступление это было характерным в том смысле, что оно показало участникам конгресса идейное единство антисоветизма и антисоциализма с троцкизмом и маоизмом (а этих последних — еще и между собой). Жесткий и убедительный отпор Рафто и Бараньи был дан советским экспертом А. Л. Нарочницким, французским экспертом-коммунистом А. Собулем, а также выступившими в прениях И. И. Минцем, А. А. Фурсенко (Ленинградское отделение Института истории АН СССР), Р. Ф. Ивановым (Институт всеобщей истории АН СССР), А. Г. Глинкиным (Институт Латинской Америки АН СССР) и Н. В. Сивачевым. Советские делегаты и другие участники заседания обстоятельно рассмотрели в своих выступлениях вопросы социально-экономических предпосылок революционных переворотов, их исторического значения и роли как движущей и созидательной силы истории. А. Янг (США) упрекнул Бейлина за игнорирование роли народных масс и значения эко-

номических отношений, а Ж. Косто (США) резко критиковала доклад за игнорирование истории индейцев и негров во время войны за независимость США.

Четвертая тема в первой секции была посвящена проблеме «Меньшинства как историческое явление. Опыт Канады», разбиравшейся на основе доклада канадского представителя В. Мортонна. Автор доказывал, что Канада будто бы превратилась в «нацию меньшинств», где уже нет «элиты». Как в фактическом, так и в методологическом отношении доклад не представлял значительного интереса, но тема привлекла к себе большое внимание. При ее обсуждении тоже не обошлось без провокационных заявлений некоторых западных участников конгресса — Б. Блюменкранц (Франция) завел речь о «положении евреев в СССР», а украинские буржуазные эмигранты-националисты И. Рудницкий (Канада), Т. Мацков (США), В. Осадчук (Западный Берлин), пытаясь внести свою «лепту» в подогревание на конгрессе антисоветских настроений, явно не получавших поддержки со стороны большинства собравшихся ученых, говорили о «притеснениях» украинцев в Советском Союзе. Понятно, что и на этот раз провокаторы получили достойный отпор со стороны советского эксперта А. Н. Шлепакова (Институт истории АН УССР), а также В. А. Тишкова (Институт всеобщей истории АН СССР), А. А. Абилова (Дагестанский университет), Ц. П. Ага-яна (Отделение общественных наук АН АрмССР), А. С. Сумбат-Заде (Отделение общественных наук АН АзербССР). Советские делегаты раскрыли исторический опыт решения проблемы меньшинств в условиях социалистического строя на основе ленинской национальной политики. В выступлениях советских ученых, а также югославского историка Ф. Цвиттера и других анализировались: история национальной политики различных государств и обществ, ее классовые основы, социальная подоплека межнациональных конфликтов. В заключительном слове докладчик согласился с мнением историков-марксистов о необходимости глубокого изучения социально-экономических факторов, определяющих положение меньшинств.

Последними в первой секции обсуждались темы «Миграции» (доклад Ж. Дюпё и Ш. Акермана от имени Международной комиссии по истории социальных движений и социальных структур; он объединял свыше 30 сообщений разных авторов, в том числе академика А. П. Окладникова и Д. И. Бойко о миграционных процессах в Северо-Восточной Азии) и «Традиции и инновации в Азии и Африке» (доклад японского историка С. Кимбары). Во втором докладе обобщались исследования японских историков об основных этапах антиколониального движения на двух названных континентах, было отмечено влияние мировых войн и победы Великой Октябрьской социалистической революции на развитие национально-освободительного движения. Докладчик указал на внутренние факторы экономического и политического развития стран Азии и Африки на современном этапе. Примечательно, что западногерманский эксперт Ф. Амшпренгер упрекнул Кимбару в приверженности марксизму, заявив, что марксизм не имеет отношения к Азии, так как К. Маркс и Ф. Энгельс будто бы «не знали» ее истории.

С. Л. Тихвинский разъяснил эксперту из ФРГ, что основоположники марксизма не только прекрасно знали историю этого континента, но и создали ряд значительных работ в данной области, а кроме того, марксистская теория открыла всемирно-исторические закономерности развития человечества. С. Л. Тихвинский подчеркнул необходимость всестороннего учета влияния Октябрьской революции на развитие азиатских стран (в том числе Китая), раскрытия реакционной роли как империалистических колонизаторов, так и местной компрадорской буржуазии и чиновничества. В противовес этому американский эксперт

Дж. Фейрбэнк требовал усилить показ положительной роли стран Европы и Америки в судьбах народов Азии и Африки, с чем не согласился его соотечественник О. Латтимор. В дискуссии приняли участие также монгольские делегаты С. Нацагдорж, Ш. Бира, Н. Ишжамц. По проблеме «Миграции» выступил, в частности, Г. Ф. Дахшлейгер (Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР), рассмотревший на основе советских исследований вопрос о миграции населения и соотношении роли кочевых и оседлых народов в истории Средней Азии. А. Н. Шлепаков отметил необходимость соотнесения миграции с развитием и сменой общественно-экономических формаций.

В целом работа первой секции конгресса прошла под знаком высокой активности историков-марксистов. Первая секция вопреки замыслам противников марксизма-ленинизма превратилась на деле в трибуну пропаганды материалистического понимания истории. В этом отношении характерно сделанное на заключительном пленарном заседании конгресса заявление нового президента МКИН западногерманского историка К. Эрдмана о том, что впредь не следует ставить на такого рода форумах историков «большие исследовательские темы», так как споры марксистов и немарксистов по ним «бесплодны».

В действительности марксистское понимание истории далеко не так «безразлично» буржуазным историкам. Они не оставляют попыток выработать нечто противостоящее марксизму в понимании истории или, во всяком случае, хотя бы нейтрализовать его воздействие на самые важные вопросы теории. Это нашло свое выражение в работе второй секции конгресса, посвященной вопросам методологии и убедительно свидетельствовавшей об углубляющемся кризисе буржуазной теории исторического познания. В этом отношении весьма характерны были доклады итальянских историков Э. Сестана и П. Брецици, объединенные общим заглавием «Историография как историческая наука», но представляющие различные точки зрения. Оба они утверждают, что в наше время история стала утрачивать свой общественный авторитет. Но Сестан считает, что история как наука для того, чтобы сохранять свое значение, не должна обольщаться методами других наук, увлекаться моделированием процессов, математическими методами и прочими модными приемами. Структурализм, по его словам, не несет в себе ничего нового, раньше это называли методом изучения институтов. По Сестану, история никогда не перейдет из мира иллюзий в мир определенности, максимум, что можно сделать,— это обеспечить строго научное издание источников и договориться о терминологии, чтобы она была такой же недвусмысленной, как в естественных и точных науках. И в этом виде история сможет продолжать выполнять свою функцию изучения истории «ассоциированного» и «индивидуального» человека, которая вообще не может быть формализована. Брецици же убежден в том, что в условиях «социотехнической современности» история, если она хочет остаться наукой, должна решительно встать на путь структурализма. История природы, считает он, должна быть включена в историю человечества, а законы развития природы являются ключом к познанию социальной истории. Брецици заявил, что «присутствие людей в белых халатах», обслуживающих компьютеры, рядом с историком есть нормальное явление современной исторической науки.

В духе этих противоречий и разворачивалась дискуссия между западногерманскими историками К. Эрдманом и К.-Г. Фабером: первый из них призывал вернуться к традиционно-позитивистскому взгляду на историю как прежде всего на собрание достоверных фактов, а второй настаивал на широком применении структурализма и количественных методов. Эрдман, в частности, говорил о необходимости искать выход из того катастрофического падения авторитета истории и попыток деформировать самый ее предмет, которые имеют место в ФРГ.

Неопозитивистский характер носил доклад голландского ученого А. Вейлера «Оценочные суждения в историографии». Сосредоточив внимание на необходимости выработки «строго научных методов» познания, Вейлер старался убедить участников конгресса в том, что «наука должна ограничиваться логическим анализом и позитивным приобретением данных», что «лишь нейтралистско-позитивистский» подход ведет к устранению субъективизма и что «безоценочность» должна стать методологическим принципом. Вейлер уделил много внимания так называемым «верификации» и «межсубъектной проверке» как необходимым условиям «максимальной нейтрализации любого субъективного влияния в научном анализе».

В этих докладах буржуазных историков не раз заходила речь о марксизме. Но всякий раз он оценивался не на основе анализа трудов его основоположников, а по работам современных западных «марксоведов», которые, разумеется, весьма далеки от истинного понимания и объективной оценки марксизма. Так, Бреци повторял тезис о том, что К. Маркс сводил понятие социальной структуры до понятия экономической структуры (представление о марксизме как всего-навсего «экономическом детерминизме» не раз встречалось в выступлениях западных участников конгресса в разных секциях). Вейлер утверждал, что марксизму присущ «скрытый позитивизм» и одновременно, что оценка в работах историков-марксистов предваряет исследование, что марксову учению присущи и «номологический», и «антропологический», и «прагматологический» подходы к истории.

А. М. Сахаров, О. Д. Соколов (журнал «Коммунист»), Л. С. Гапоненко (АОН при ЦК КПСС) говорили о том, что позиция докладчиков свидетельствует о глубоко идейно-теоретическом кризисе западной науки, подобном тому, который переживала русская буржуазная историография в начале XX века. Характерными чертами современного кризиса западной историографии являются утрата или деформация предмета исторической науки, стремление оторваться от критерия общественной практики в исторической науке, выработать какую-то «надпартийную» систему методов исследования и его критериев, что на деле ведет к утрате социальной функции исторической науки. В выступлениях советских делегатов и других историков-марксистов (Э. Энгельберга из ГДР, Т. Ендрушака из Польши и других) было обращено внимание на недопустимость произвольных оценок марксистской методологии, основанных не на трудах основоположников и теоретиков марксизма, а на суждениях современных буржуазных «марксоведов».

Большой интерес вызвал доклад шведских историков Л. Лундгрена, Б. Оден, С. Оредссона «Методы исследования человека в окружающей его среде». Характерно, что докладчики уделили значительное внимание социальным условиям взаимодействия человека и окружающей среды, в частности разрушительному влиянию империализма и колониализма на нее. Шведские ученые остановились на методике изучения поставленной ими проблемы и попытались смоделировать «механизм принятия решений» по вопросу об отношении к окружающей среде в современном буржуазном обществе. Советский эксперт Х. М. Лиги (Гартуский университет) подверг проблему анализу с позиций исторического материализма и указал на необходимость классовой оценки отношений между обществом и окружающей его средой.

Проблемам, связанным с изданием источников, был посвящен доклад Р. Морси и Ф. Каленберга (ФРГ). В прениях по нему выступал ученый секретарь Комиссии по изданию дипломатических документов МИД СССР Г. К. Деев, рассказавший о многотомных серийных советских публикациях документов по истории внешней политики России и СССР.

Два доклада в методологической секции были представлены историками-марксистами. Первое ее заседание было посвящено докладу

Э. Энгельберга (ГДР) «Событие, структура и развитие в истории». В этом содержательном докладе рассматривались с марксистских позиций сложные вопросы современной теории познания исторических явлений. Автор сделал акцент на объективном характере научного познания истории и выдвинул тезис о том, что событие может быть понято только в структуре, а структура, в свою очередь, познаваема лишь в своем историческом развитии. Э. Энгельберг уделил особое внимание количественным методам в историческом исследовании и подчеркнул, что эти методы требуют «научно обоснованной и подтвержденной практикой теории; критической подготовки источников с обязательным использованием достижений их традиционной критики». Докладчик указал на то, что квантификация не означает деидеологизации науки, наоборот, она прямо зависит от общетеоретических и идеологических исходных посылок и является лишь вспомогательным средством в исторической науке. Другой вопрос, рассмотренный Э. Энгельбергом, касался понятия «структура», которое он решительно отмежевал от теории «факторов». Он указал на то, что для марксистов основной структурой является общественно-экономическая формация. При отсутствии четкой теории, предостерег докладчик, вместо «хаоса фактов», преодолеть который пытается структурный метод, можно прийти к «хаосу структур», не связанных и не осмысленных в свете определяющих закономерностей развития.

При обсуждении доклада И. Д. Ковальченко выразил согласие с его основными положениями и обратил особое внимание на диалектическое единство в функционировании систем и процессов, на принципиальное различие общественных и природных структур, на наличие внутри самих общественных структур движущих сил их развития. Ряд вопросов, связанных с методологией исторического познания, был поднят также В. Л. Мальковым (Институт всеобщей истории АН СССР).

Польский историк Е. Топольский представил доклад «Историк в поиске документов», посвященный теории источниковедения. Он выдвинул тезис о том, что источники необходимо изучать в их динамике, различая как действительное, так и потенциальное значение источника. В докладе были рассмотрены вопросы контактов историка с источником и образования, таким образом, информационных структур, характеристики источников («адресованных», «прямых», «неадресованных» и «непрямых»). Е. Топольский осветил также значение марксистской теории познания для развития теоретического источниковедения и отметил, в частности, успехи, достигнутые советскими учеными (Ю. Ю. Какком, И. Д. Ковальченко, Л. В. Миловым и другими).

Одним из экспертов по докладу являлся И. Д. Ковальченко. Он подчеркнул, что «успехи в решении проблемы источника прежде всего зависят от общей теории и определяемой ею конкретной методологии исторического познания», отметил превосходство материалистического-диалектического, марксистского подхода к теории и практике источниковедения. Советский эксперт положительно оценил попытку докладчика применить теорию информации для решения проблемы источниковедения, что позволяет углубить принципы и критерии классификации исторических источников. И. Д. Ковальченко анализировал пути расширения информационной «отдачи» источников и в этой связи указал на значение количественных методов, что они «не излишество и не хобби отдельных историков, а сложное и трудное дело, которое диктуется суровой необходимостью. И чем скорее это поймут историки, тем больше выиграет историческая наука». Выступая в прениях, член-корр. АПН СССР И. А. Федосов (МГУ) говорил о необходимости учета давних традиций и опыта источниковедения прошлого при использовании статистических и других приемов обработки источников, о том, что развитие источниковедения сегодня нельзя представлять себе как идущее исключительно на новых основах.

Работа методологической секции наглядно показала, с одной стороны, превосходство и богатство марксистских теоретических основ исторического исследования, и с другой — методологическую сумятицу в современной буржуазной историографии. Ее теоретики много спорят между собой: одни склонны идти назад, к «бастионам» фактов, другие настаивают на коренном изменении характера исторической науки в условиях научно-технической революции, но всех их объединяет одно — в поисках выхода из тупикового положения они решительно отказываются принимать методологию марксизма с его учением о формациях и роли общественной практики в познании прошлого. Впрочем, не принимая марксизм, очень многие западные ученые его еще и не знают как следует. Однако характерно, что в настоящее время марксизм уже не отвергается, так сказать, с порога. В методологической секции между марксистами и немарксистами шел серьезный диалог по вопросам теории, в ходе которого историки-марксисты подвергли критике тенденции западных ученых к своего рода теоретической конвергенции. Вместе с тем историки-марксисты смогли более основательно познакомиться с состоянием современных буржуазных теорий исторического познания. Обсуждавшиеся в секции проблемы весьма существенны и для марксистской методологии исторической науки, перед которой встает ряд актуальных вопросов, возникших в связи с расширением круга и изменением характера источников (в особенности по современной истории), а также развитием смежных и других наук, теории информации, математических методов исследования и т. п. Конгресс показал, и это особенно важно, что в области методологии ныне основную борьбу против исторического материализма ведут позитивисты и особенно неопозитивисты, активно разрабатывающие идеалистические концепции в вопросах теории познания и новых проблем исторической науки.

Третью секцию конгресса составили, как уже было указано выше, заседания, на которых обсуждались проблемы истории по хронологическим периодам.

Доклады по истории античного мира были сгруппированы вокруг проблем «Центры и периферии античной цивилизации» и «Типы обществ в древнем мире». По первой из этих проблем были, в частности, обсуждены доклады болгарских ученых В. Велкова и А. Фола о древних балканских народах (фракийцах, иллирийцах и др.) и их роли в развитии древнего мира; польских ученых Е. Колендо и Т. Котулы о городах Северной Африки в античное время; кипрского историка К. Николау об отношениях Греции и Востока в античную эпоху; венгерского историка А. Мочи «Лимы и провинции»; американского историка Р. Мак-Маллена о влиянии варваров на Рим и другие. По второй проблеме первым обсуждался доклад Е. С. Голубцовой, Е. М. Штаерман (Институт всеобщей истории АН СССР) и В. И. Кузищина (МГУ) «Типы общин в античном мире»; состоялись доклады акад. Б. Г. Гафурова «Кушаны и мировая цивилизация»⁷, чехословацкого историка И. Печирки о кризисе афинского полиса в IV в. до н. э.; западногерманского историка Ф. Виттингофа об урбанизации как феномене античности; американского ученого Г. Бучелатти о «городской революции» в социально-политической перспективе, и другие. В числе выступавших по докладам по истории античности были советские историки Г. А. Меликишвили и А. Р. Корсунский (МГУ).

Историки средних веков рассматривали на своих заседаниях проблемы «Кочевые общества», «Встреча цивилизаций в Европе около 1300 года». По первой из них обсуждались доклады Г. Джуреску (Румыния) о роли кочевых народов Евразии в формировании средневековых государств, А. Ханеды (Япония) о кочевниках и городах, С. Нацагдоржа

⁷ Доклад был представлен Г. М. Бонгард-Левиним.

(МНР) о характере феодализма у кочевников, Б. Шпулера (ФРГ) о Золотой Орде, С. Чирковича (СФРЮ) о Востоке и Западе в Юго-Восточной Европе. Вторая проблема была представлена докладами К. Ключовского (Польша) о социальных, политических и культурных структурах Европы в XIII в. в сравнительно-историческом аспекте; Й. Цезара и Й. Возара (Чехословакия) о контактах и конфликтах между средневековой Европой и Востоком в X—XV вв.; А. Штиклера (Ватикан) «Университеты Средиземноморья от середины XIII до конца XIV вв.»; группы испанских, греческих и итальянских историков М. Риу, Р. Манселли, Д. Закитиноса, М. Дель-Треппо о переменах в средневековом мире около 1300 г.; Г. Шекели (Венгрия) «Города и языки в восточной части Центральной Европы»; П. Топпинга (США) о взаимодействии греческой и латинской культуры около 1300 г., и другие. Характерно, что доклады по античности и средним векам, представленные историками социалистических стран, выделялись проблемным, теоретическим характером — в отличие от многих либо узкоконкретных тем, либо довольно случайных сопоставлений в докладах ряда историков других стран. Выступая в этой секции, А. Р. Корсунский указал на необходимость научного подхода к проблеме государства, без отождествления его со всякой властью вообще у кочевников, и на неправомочность преувеличения роли Чингиз-хана. А. А. Ташмухамедов (Ташкентский университет) на материалах истории Средней Азии обосновал мысль о неправомочности противопоставления кочевых и оседлых народов и необходимости рассматривать их в едином комплексе.

По новой истории была рассмотрена проблема «Нации и государства (XVI—XVIII вв.)». Здесь первым обсуждался доклад акад. Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто (Институт истории СССР АН СССР) «Образование централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI—XVIII вв.)». Доклад содержал ряд принципиальных положений как относительно применения сравнительно-исторического метода, так и понятия «централизованное государство».

Авторы подвергли анализу процесс образования и развития централизованного государства в России. Особое внимание было уделено ими классовой борьбе и классовой оценке протекавших в средневековой России социально-экономических и политических процессов. Вторая часть доклада содержала сопоставление Русского государства со сходными государственными образованиями средневековой Европы. Основные положения доклада получили поддержку со стороны историков Венгрии, Польши и Румынии.

Французский историк И. Дюран в докладе о компетенции государственной власти в новое время попытался проанализировать как понятие о государстве, так и его содержание в разных странах Европы. В докладе присутствовал обычный для буржуазной историографии упрек в адрес историков-марксистов, которые-де лишь иллюстрируют положения основоположников марксизма-ленинизма. В. Т. Пашуто разъяснил, как обстоит дело в действительности и насколько творческий характер носят труды советских историков, опирающихся на марксистско-ленинскую методологию. В этой подсекции были обсуждены также доклады Б. Халла (Великобритания) «Религия и общество в европейской Реформации», Т. Гёкбилгина (Турция) «Оттоманская политика в отношении Реформации», Й. Переньи (Венгрия) «Оттоманская экспансия и образование восточноевропейских централизованных государств», Р. Джиси (США) «Национальная устойчивость и наследование экономического и политического могущества», Р. Фирхауса (ФРГ) «Земля, государство и империя в политических представлениях немецких сословий в XVIII в.». По проблеме «Экономические аспекты истории обществ, находящихся в процессе индустриального развития (XVIII—XIX вв.)»

рассмотрены доклады: Ф. Вентури (Италия) «Просвещение и реформы в Италии и Испании XVIII в.», Й. Эльстера (Норвегия) «Оптимизм и пессимизм в дискуссиях о жизненном стандарте во время промышленного переворота в Британии», Кр. Иенсена и Э. Йохансена (Дания) о безработице в Дании в XIX в., В. Джеорджеску (Румыния) о процессах модернизации восточноевропейских обществ в XVIII—XIX вв., В. Моммзена (ФРГ) о финансовом империализме в Европе накануне первой мировой войны, И. Петржак-Павловской (Польша) о промышленном перевороте и проблемах асинхронности социального развития, и другие. И здесь проявилось глубокое различие в методологии подхода к рассматриваемым проблемам со стороны марксистских и буржуазных историков. В. Моммзен, например, попытался обосновать представление, будто бы «финансовый империализм» независим от политики империалистических держав; при этом западногерманский историк выступил против ленинской теории империализма. В. И. Бовыкин (Институт истории СССР АН СССР) и историки из других социалистических стран Г. Ранки, И. Беренд (оба — Венгрия), С. Дамянов (Болгария) и Ф. Кляйн (ГДР) в своих выступлениях подвергли критике эти положения В. Моммзена. Они убедительно показали, что в данном случае речь идет еще об одной попытке реабилитации монополистического капитализма, столь характерной для современной буржуазной историографии. По докладу датских историков Кр. Иенсена и Э. Йохансена выступил К. К. Сийливаск (Институт истории АН ЭстССР).

Подсекция новейшей (современной) истории была разбита на две параллельно работавшие подгруппы. В первой из них заседания начались с обсуждения проблемы «Европа и США». Вице-председателем на первом заседании был Р. Ф. Иванов. Здесь обсуждались доклады К. Обермана (ГДР) «Отношения между европейскими прогрессивными силами и США в XIX в.», Д. Беринди (Румыния) и Ф. Келлога (США) «Установление дипломатических отношений между Соединенными Штатами и европейскими государствами», Э. Ангерманна (ФРГ) «Ранний германский конституционализм и американская модель». Вторая проблема, обсуждавшаяся в этой подгруппе, была посвящена демократии во внутренней структуре партий и политических движений в XX веке. Были представлены доклады Р. Руффьё (Швейцария) «Проблема лидерства в политических партиях Западной Европы в XX в.», Т. Эреньи (Венгрия) «Социалистическая революция и буржуазно-демократические реформы в рабочем движении распадающейся Австро-Венгерской монархии», И. Кокки (ФРГ) «Проблема демократии и среднего класса в первой трети XX в.: некоторые итоги и перспективы исследования». Для последнего из докладов характерно было типичное для современной буржуазной историографии извращение сущности фашизма.

При обсуждении докладов Р. Ф. Иванов и В. А. Штейнберг говорили о ряде аспектов русско-американских отношений и американской внешней политики. Завершилось обсуждение проблемы дискуссией по докладу Э. Л. Баграмова (журнал «Коммунист») и С. С. Салычева (Институт всеобщей истории АН СССР) «Демократические цели и задачи в деятельности коммунистических партий». В докладе анализировалось соотношение демократии и диктатуры пролетариата и раскрывалась подлинно демократическая сущность социалистического общественного строя. Основные положения доклада были поддержаны и развиты в выступлениях М. П. Кима, П. А. Голуба, Г. З. Мухиной (оба — ИМЛ при ЦК КПСС), Б. М. Морозова (АОН при ЦК КПСС) и делегатов других социалистических стран.

Во второй подгруппе заседания начались с обсуждения вопроса «Рабочее движение XX в. перед дилеммой: революция или реформа?». И. Емниц (Венгрия) представил доклад «Революция и реформа в западноевропейских партиях II Интернационала», В. Лорвин (США) —

«Красное и черное: социалистические и христианские рабочие организации в Западной Европе», Э. Кольб (ФРГ) — «Рабочее движение в Германии перед вопросом: реформа или революция, 1914—1919», А. Чубиньски (Польша) — «Революция или реформа в Центральной Европе в XX веке», Х. Бартель, А. Лашитца, В. Шмидт (ГДР) — «Формирование рабочего класса во второй половине XIX и начале XX в.», И. Марьянович (Югославия) — «Рабочее движение на Балканах перед выбором: революция или реформа». На этих заседаниях столкнулись марксистская и реформистская точки зрения. Э. Кольб наиболее определенно высказался в пользу обоснования на опыте германской социал-демократии так называемого третьего пути развития рабочего движения. Оппортунистические построения Кольба и других западных докладчиков вызвали серьезные и обоснованные возражения со стороны В. Н. Виноградова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), Г. В. Шаропова (Высшая школа профдвижения), Л. С. Гапоненко, Л. М. Миная (АОН при ЦК КПСС), Н. П. Комоловой (Институт всеобщей истории АН СССР), Л. В. Овчинниковой (МГУ), В. А. Ежова (ЛГУ), В. Л. Малькова и других, которые дали классовый, научный анализ проблем рабочего движения, его объективных и субъективных факторов. Ими была подвергнута, в частности, критике концепция, согласно которой Ноябрьская революция 1918 г. в Германии могла быть «предотвращена» проведением реформ.

Вторая тема в подгруппе называлась «Идеи и политическая реальность в XX веке». Здесь дискуссия развернулась вокруг доклада А. О. Чубарьяна (Институт всеобщей истории АН СССР) о происхождении идеи мирного сосуществования, органически связанной с природой социалистического государства, идеями В. И. Ленина. В докладе говорилось об опыте борьбы Советского правительства за мирное сосуществование, раскрывалась активная деятельность КПСС в пользу разрядки международной напряженности в наше время. Эти положения попытались опровергнуть американцы Ф. Стерн и его соотечественник Э. Сегель, рассуждавшие об отсутствии преемственности в советской внешней политике и «распространении» революции из СССР. Вопреки очевидным фактам, в духе затасканных штампов антисоветской пропаганды они возлагали на СССР ответственность за развязывание второй мировой войны. Стерн не остановился перед извращением существа произведения «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», заявив, что в нем В. И. Ленин выступал якобы против мирного сосуществования государств с различным социальным строем и призывал к тому, чтобы «взорвать» реформистские профсоюзы и буржуазные парламенты. Между тем в этом труде В. И. Ленин рекомендовал зарубежным коммунистам работать в профсоюзах, а не взрывать их, участвовать в деятельности буржуазных парламентов, быть всюду, где есть масса трудящихся, использовать все легальные возможности для упрочения связей с рабочим классом, для завоевания на свою сторону широких народных масс.

И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, А. С. Протопопов (Высшая школа профдвижения), И. М. Табагуа (Институт истории, археологии и этнографии АН ГрузССР), Р. А. Оруджев (Азербайджанский университет), Л. Я. Черкасский (Институт востоковедения АН СССР), А. О. Чубарьян, а также Г. Розенфельд (ГДР), Д. Сирков, С. Колев (оба — Болгария) и другие показали несостоятельность позиций американских критиков доклада. В ходе его обсуждения шла борьба против фальсификации истории внешней политики нашей страны, ее роли в международных отношениях.

Кроме того, в подгруппе обсуждались доклады Д. Уотта (Англия) о крушении системы европейской безопасности в 1930—1939 гг. и ирландского ученого Р. Фэннинга об эволюции политики в Ирландии — от

революционной до узкопартийной — в 1914—1939 годах. Выступая по докладу Уотта, Ф. Кемпбелл (США) привел факты, показывающие, что Англия еще в 1920 г. вела переговоры с Германией насчет подготовки новой войны. Что касается мюнхенской политики, то она, по мнению Кемпбелла, преследовала со стороны правящих кругов Англии не только политические, но и экономические цели. Он критиковал также тогдашнюю политику английского правительства по отношению к Чехословакии.

Серьезная дискуссия разгорелась в Международном комитете истории второй мировой войны. Работа его выявила наличие противоположных концепций при обсуждении основной темы «Политика и стратегия во второй мировой войне». Марксистско-ленинское освещение этих вопросов было дано в докладах П. А. Жилина о политике и стратегии Советского Союза во второй мировой войне и К. Дрекслера (ГДР) о политике и стратегии фашистской Германии в тот же период. Другая точка зрения была представлена в докладах А. Хильгрубера (ФРГ), М. Ховарда (Англия), А. Фудзивары (Япония), Ф. Поуга и У. Кимбелла (США), в которых отрицался классовый характер политики и стратегии буржуазных государств, их связь с монополистическим капитализмом. А. Хильгрубер отрицал связь фашизма с монополистическим капитализмом и пытался возложить, как это весьма распространено в буржуазной историографии, ответственность за развязывание второй мировой войны на одного Гитлера. И. Валлаш (Израиль) обвинил в этом еще и советскую внешнюю политику и повторил клеветнические измышления относительно каких-то переговоров СССР с фашистской Германией, якобы имевших место во время войны. Эту версию как беспочвенную отверг даже английский историк М. Ховард. Хильгрубер утверждал, что у гитлеровской Германии не было заранее разработанных целей войны, что стратегия во второй мировой войне носила с ее стороны характер импровизации. Некоторые буржуазные историки выдвигали тезис, что Гитлер был выразителем интересов всего немецкого народа. Все эти фальсификации получили достойный отпор. П. А. Жилин, Г. Н. Горошкова (Институт всеобщей истории АН СССР), П. М. Деревянко и С. А. Тюшкевич (Институт военной истории МО СССР), В. А. Мацуленко («Военно-исторический журнал»), советский эксперт И. И. Джорджадзе, К. Дрекслер и Р. Брюль (ГДР), Х. Вааш (Венгрия), Г. Ендрушак (Польша), М. Кропилак (Чехословакия), Несторов (Болгария) показали необоснованность построений западных историков.

Вместе с тем в дискуссии по проблемам второй мировой войны некоторые буржуазные историки воздавали должное решающему вкладу СССР в достижение победы над блоком фашистских государств и милитаристской Японией. Ховард говорил, например, о том, что присоединение (термин докладчика) к Советскому Союзу Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1940 гг. создавало благоприятные условия для отражения агрессии со стороны фашистской Германии. Ведущую роль СССР в войне признал директор Института Эйзенхауэра (США) Ф. Поуг. Он заявил, что американское общественное мнение было против длительного пребывания войск США в Европе в послевоенный период, но не сказал, однако, о том, как расценивает общественность его страны военное присутствие США в Европе в настоящее время, спустя три десятилетия после окончания войны. Ф. Поуг пытался оправдать применение США в войне с Японией атомного оружия. По его словам, США решили сбросить атомные бомбы, учитывая, что в противном случае СССР слишком завяз бы в войне с Японией. Получается, что антигуманный акт правительства США был продиктован «заботой» о Советском Союзе. Но заявление Ф. Поуга можно истолковать и иным образом: США сбросили на Японию атомные бомбы с целью установить свое господство в этом районе земного шара

и тем самым ограничить географические рамки освободительного похода Советской Армии на Дальнем Востоке. В этом и состоял классовый интерес американских правящих кругов в войне против Японии. Для полного ее военного разгрома не было никакой нужды прибегать к применению атомного оружия.

Некоторые историки США приводили факты, показывавшие нарушение во время войны союзнических обязательств правящими кругами Англии, и прежде всего тогдашним ее премьер-министром У. Черчиллем. У. Кимбелл утверждал, что Черчилль был против наказания фашистских военных преступников и против оказания экономической помощи Советскому Союзу вопреки позиции Рузвельта в этом вопросе. Однако в выступлении этого американского историка содержались и такие утверждения, которые были далеки от исторической правды. Так, он заявил, что цель США в минувшей войне была гуманной. Она состояла, по его мнению, в том, чтобы искоренить у немцев националистический дух, дать им возможность свободно работать, вернуться в свои родные места, построить новое государство. В марксистской литературе давно доказано, что цели правящих кругов США, как и других буржуазных государств, входивших в антигитлеровскую коалицию, носили классовый, империалистический характер. Они находились в противоречии с освободительными, антифашистскими задачами, решаемыми в этой войне рабочим классом, трудящимися массами данных государств и действительно носившими гуманный характер.

Примечательным было выступление молодого английского историка Д. Уотерса. Он говорил, что в войне против германского фашизма на первый план вышли прогрессивные силы, что в исследованиях надо лучше раскрывать роль женщин, а также негров и представителей других национальных меньшинств. По его мнению, трудящиеся массы Германии и Японии были втянуты в войну в результате националистической пропаганды, проводившейся правящими кругами этих стран. Уотерс напомнил о том, что в Англии рабочий класс активно выступал в годы войны в поддержку Советского Союза. Западногерманский историк Э. Яккель заявил, что в раскрытии причин второй мировой войны могут помочь К. Маркс и его учение. Политика гитлеровской Германии, сказал он, была продолжением той захватнической политики, которую вела кайзеровская Германия начиная с конца XIX века.

На заседание Ассоциации по исследованию Юго-Восточной Европы была вынесена тема «Средиземноморье и Балканы». В докладах, охвативших все периоды истории от античности до наших дней, подчеркивались значение Средиземноморья как очага европейской цивилизации, тесная связь этого региона с судьбами Европы в целом. В. Н. Виноградов посвятил свое выступление национально-освободительным движениям на Балканах и роли России. В сообщениях Н. Д. Смирновой о средиземноморско-балканских проблемах межвоенного периода и болгарского ученого Н. Тодорова о значении этого региона в наши дни были в историческом аспекте развиты положения Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а именно, что «безопасность в Европе следует рассматривать в более широком контексте безопасности в мире, что она тесно связана с безопасностью в районе Средиземноморья в целом»⁸.

В Комиссии по истории городов с сообщением о социальной структуре русского феодального города выступила Е. В. Чистякова (Университет Дружбы народов имени П. Лумумбы). С интересом было встречено выступление А. Г. Шевелева (Институт истории АН УССР), рас-

⁸ «Во имя мира, безопасности и сотрудничества. К итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июля—1 августа 1975 г.». М. 1975, стр. 61.

сказавшего об опыте написания 26-томной «Истории городов и сел Украины». В Ассоциации по византийским исследованиям были обсуждены доклад З. В. Удальцовой (Институт всеобщей истории АН СССР) и сообщение М. Д. Лордкипанидзе (Тбилисский университет). В комиссии по изучению славян обсуждались доклады Н. Н. Болховитинова (Институт всеобщей истории АН СССР) «Россия и война за независимость США» (доклад был представлен А. А. Фурсенко) и Ю. А. Писарева (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) «Социальные движения среди славянских народов Восточной Европы накануне первой мировой войны». Одним из экспертов выступил И. И. Костюшко (Институт славяноведения и балканистики АН СССР). По докладу П. Шайберта (ФРГ) «Социальные и культурные аспекты становления литовцев и белорусов» выступил Б. Ю. Вайткявичюс (Институт истории АН ЛитССР).

К сожалению, закрытие конгресса проходило в не очень благоприятной обстановке. У входа в здание, где начиналось заключительное пленарное заседание, собралась небольшая группа сионистов. Затем американские организаторы конгресса выпустили на трибуну Д. Ландеса (США) с докладом «Где закован Прометей?». Содержание его не было известно, но и постановка доклада страной — организатором конгресса на заключительном его заседании, отсутствие предварительного ознакомления с ним, как и его обсуждения, — это традиция международных форумов историков. Все дело в том, как и для чего она используется. На конгрессе в Москве в 1970 г. на заключительном пленарном заседании АН СССР был поставлен доклад ныне покойного чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарева о связях византийского и русского искусства, доклад, вызвавший большой интерес делегатов. На конгрессе же в Сан-Франциско предложенный его участникам в заключение доклад был проникнут явными антисоветскими выпадами и призывал развивающиеся страны следовать не по социалистическому, а по капиталистическому пути. Сразу же после конгресса состоялось заседание Генеральной ассамблеи МКИИ, на котором С. Л. Тихвинский заявил решительный протест против доклада Д. Ландеса, носившего провокационный характер и представлявшего собой попытку реакционных кругов использовать научный форум в своих интересах.

Генеральная ассамблея избрала новым президентом МКИИ на очередное пятилетие западногерманского историка К. Эрдмана. Американская сторона вопреки традиции от президентского поста в МКИИ отказалась. Первым вице-президентом МКИИ избран известный польский ученый А. Гейштор. Е. М. Жуков стал членом-советником Бюро МКИИ. Следующий конгресс решено провести в 1980 г. в Бухаресте⁹. Советские ученые были избраны и в другие международные организации историков. П. А. Жилин вновь стал вице-президентом Международного комитета истории второй мировой войны, А. З. Манфред (Институт всеобщей истории АН СССР) — почетным президентом, а Г. С. Кучеренко — членом Комиссии по изучению Французской революции, В. И. Козлов (Институт этнографии АН СССР) — членом Комиссии по исторической демографии, Н. В. Сивачев — членом Комиссии по истории университетов, А. Р. Корсунский — членом Комиссии по сравнительной истории церкви.

XIV Международный конгресс исторических наук явился важным событием в развитии науки. Широкий обмен мнениями на конгрессе между представителями различных направлений, огромный диапазон обсуждавшихся вопросов, участие в его работе представителей большого количества стран привели к выявлению картины современного состояния исторической науки. Конгресс способствовал установлению деловых

⁹ См. подробнее: С. Л. Тихвинский. Генеральная ассамблея Международного комитета исторических наук в Сан-Франциско. «Вопросы истории», 1975, № 12.

контактов между историками разных стран и направлений и взаимной информации в области исследования как теоретико-методологических, так и конкретно-исторических проблем.

Конгресс ясно показал усиление внимания историков всех стран к проблематике новейшей истории, что служит объективным проявлением связи исторических исследований с решением актуальных задач современного развития. Возрастает идеологическое значение исторической науки, и именно в области новейшей истории развертывается наиболее острая конфронтация между представителями марксистской и буржуазной науки. В сфере исторической науки развертывается напряженная идеологическая борьба, в условиях которой нет и не может быть мирного сосуществования. Конгресс в полной мере продемонстрировал правильность этого марксистского положения. Борьба усиливается не только в области новейшей истории, но и по всему фронту исторической науки, и не только в отношении оценок тех или иных явлений и процессов, но прежде всего в области теоретико-методологической.

На конгрессе был отчетливо виден растущий интерес к проблемам теории исторического познания. Вопросы методологии, теоретического источниковедения, проблемы истинности исторического факта, новых методов исследования, самого предмета исторической науки привлекают ныне внимание широкого круга специалистов, вызывают оживленные споры. В западных странах этот интерес определяется кризисом исторической науки, основанной на буржуазном мировоззрении и служащей в конечном счете укреплению капиталистического строя. Падение общественного интереса к истории вынуждает буржуазных специалистов в области методологии искать таких путей развития исторической науки, которые бы давали возможность не только не признавать революционной марксистской теории, но и найти противодействие против нее. В этом — органическая слабость современных методологических исканий буржуазных ученых, опирающихся на позитивистские и особенно неопозитивистские теории и взгляды. Отсюда заметные нотки пессимизма в оценке перспектив исторической науки в выступлениях ряда историков западных стран.

Историки-марксисты выступили на конгрессе с позиций оптимизма, развернув изложение основ социального марксистско-ленинского понимания истории и результатов исследований историков-марксистов. Активность ученых социалистических стран превратила конгресс в трибуну пропаганды марксистского понимания истории. Отбив попытки фальсификаторов истории и противников марксизма увести конгресс от обсуждения научных вопросов и в то же время показав несостоятельность наскоков на марксистские оценки событий, историки-марксисты провели содержательный и полезный диалог с представителями других направлений и взглядов и тем самым в большой степени способствовали укреплению авторитета и влияния марксизма-ленинизма в мировой исторической науке.

Одним из важных выводов из работы конгресса является необходимость дальнейшего развития контактов и связей с историками зарубежных стран, усиления активности советских историков в международных организациях, на симпозиумах, конференциях и т. п. встречах. Отстаивая и развивая марксистско-ленинское понимание истории, советские историки, как и ученые других социалистических стран, историки-марксисты во всех странах всегда готовы и будут активно вести открытый деловой диалог с учеными других направлений, всей своей деятельностью способствуя решению великой задачи современности — укреплению мира на земле, победы сил демократии и прогресса.